

*Олиель Вейл
Мендакс:
Там,
где
кончается
308*

Олиель Вейл

Мендакс: Там, где кончается зов

«Автор»

2026

Вейл О.

Мендакс: Там, где кончается зов / О. Вейл — «Автор», 2026

Остров Мендакс — место, которого нет на картах. Он дышит иначе, чем время, и каждое утро меняет свой облик. Его обитатели — ментирозо — просыпаются с новыми лицами, не помня себя прежними. Говорят, тот, кто ступает на его берег, либо сходит с ума, либо не возвращается вовсе. Но Ориан Винтерс ищет не только остров. Он ищет женщину, которая снится ему каждую ночь. Её голос всегда один, но лицо меняется каждый раз. Она зовёт его, и он не может не идти. Ведомый книгой «Исчезающие лица», он отправляется в опасное плавание через моря, которых избегают даже пираты. Он теряет корабль, товарищей и собственную уверенность, но продолжает идти вперёд. Потому что знает: где-то там, за туманом, ждёт она. И только там он сможет найти ответы на вопросы, которые боялся задать себе всю жизнь.

© Вейл О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Белое пятно	8
Глава 2. Неразгаданная загадка	15

Олиель Вейл

Мендакс: Там, где кончается зов

Пролог

За бескрайними просторами солёных вод, там, где карты обрываются белым пятном, а компас теряет стрелку, вращаясь в безумном танце, лежит остров, не отмеченный ни на одной навигационной скрижали. Далеко-далеко, за грядями штормов, что громоздятся до самых небес, и туманов, что стерегут границы известного мира, словно живые, голодные стражи, покоится эта земля. О ней слагают лишь шёпотом — и то в самые тёмные ночи, когда даже луна прячется за облаками, боясь потревожить покой этого места.

Мореплаватели, достаточно безрассудные, чтобы приблизиться к тем водам, рассказывают странные вещи. Они говорят, что за несколько миль до острова вода перестаёт быть водой. Она становится чем-то иным — тягучей, как время, и текучей, как сон. В ней отражаются не лица, а то, что скрыто за лицами: страхи, надежды, обрывки воспоминаний, которые человек пытался похоронить на дне своей души. Некоторые клянутся, что видели в тех водах собственных умерших матерей, которые манили их в глубину, обещая покой. Другие — что слышали голоса ещё нерождённых детей. Третьи — что вода пела им песни на языке, которого они не знали, но который понимали сердцем.

На том острове обитают создания, которых смертный глаз никогда не видывал. У них свой язык — певучий и текучий, как морская зыбь, но полный шипящих и гортанных звуков, что заставляют слух дрожать от первобытного ужаса. Этот язык не похож ни на один из известных на материке. Лингвисты, которые пытались его расшифровать по обрывкам записей, сошли с ума, утверждая, что слова имеют не значение, а вкус, не смысл, а цвет, и что каждое произнесённое предложение меняет реальность вокруг говорящего. Говорят, что тот, кто выучит язык Ментирозо до конца, перестанет быть человеком — он станет частью острова, его голосом, его памятью.

У них своя культура, сотканная из обрядов и молчаний, где каждый жест имеет сакральный, часто зловещий смысл. Они не здороваются рукопожатием — это считается вторжением в чужую суть. Вместо этого они касаются кончиками пальцев собственного виска, как бы открывая себя для собеседника, но лишь на мгновение. Они не празднуют дни рождения — они празднуют дни, когда впервые увидели своё отражение в водах океана. Снов и поняли, что это отражение — не ложь. Они не хоронят мёртвых — они отпускают их в туман, и туман забирает их, растворяет, переплавляет в новые лица для тех, кто ещё жив. Ибо у них нет смерти в том смысле, в каком понимают её люди. Есть только переход. Только смена облика. Только вечное становление.

Свои ценности — непонятные чужакам. Они не ценят золото, ибо золото для них — это просто застывший свет заката, который можно найти на любом берегу. Они не ценят власть, ибо власть для них — это иллюзия, созданная теми, кто боится потерять лицо. Они ценят память. Они ценят лица, которые носили до того, как стали теми, кто они есть сейчас. Каждый Ментирозо носит в себе сотни, тысячи лиц — лица своих предков, лица тех, кого они любили, лица тех, кого они потеряли, и даже лица тех, кого они убили. Всё это хранится в их изменчивых сердцах, как в библиотеке, где каждая книга — это чья-то жизнь.

И свои заботы, о которых они не говорят вслух, предпочитая хранить тайны в глубине своих изменчивых сердец. Одна из таких забот — остров сам. Он умирает. Медленно, но верно. Каждое утро его берега становятся чуть меньше, туман съедает скалы, и те, кто живёт на нём, чувствуют, как их собственные лица становятся более прозрачными, более зыбкими. Они не

знают, почему это происходит. Они знают только, что их время истекает. И единственная надежда – ритуал слияния, который может провести только тот, кто связан кровью с двумя древними родами. Но кровь тех родов давно смешалась, и теперь только одна девушка носит в себе ту самую силу, которая может спасти остров. Или погубить его навсегда.

В древних фолиантах, что хранятся под замком в библиотеках забытых городов, где пыль веками оседает на страницах, как пепел, пишут, что эти существа не имеют определённого облика. Ибо каждое утро они пробуждаются иными, чем накануне: переливаются всеми оттенками света, принимают черты ветра или камня, подражают формам снов и страхов. Один из таких фолиантов, написанный неизвестным монахом, утверждает, что Ментирозо – это не раса и не народ, а состояние. Состояние души, достигшей такого уровня отчаяния или просветления, что она больше не может удерживать одну форму. Она становится текучей. Она становится всем и ничем одновременно.

И только им самим ведомо, что таится под этой вечной маской, какова их подлинная суть, – но ни единая душа, ни единый манускрипт не хранит этого знания. Истинный облик Ментирозо остаётся тайной за семью печатями, и пытаться разгадать его – всё равно что ловить отражение луны в пригоршне воды: тщетно и бессмысленно. Но некоторые утверждают, что те, кто слишком долго жил среди них, начинали видеть их настоящие лица во сне. И эти лица были пусты. Не злы, не добры, не красивы и не уродливы – просто пусты. Как будто под каждой маской не было ничего, кроме бесконечной, зияющей пустоты, в которой тонули все попытки человеческого разума найти смысл.

Остров этот зовут Мендакс – имя, которое звучит одинаково и как вопрос, и как ответ, заключая в себе парадокс бытия. На древнем языке, который не используется уже тысячи лет, «Мендакс» означало «край, где начинается истина». Но на языке современных мореплавателей оно звучало как «Ложь, ставшая явью». Ибо этот остров – воплощённое противоречие. Он есть, и его нет. Он реален, и он – иллюзия. Он ждёт тебя, и он избегает тебя. Ты можешь плыть к нему годами, и он будет отступать, как горизонт. Или ты можешь шагнуть в туман и оказаться на его берегу, даже не заметив, как это случилось.

Однако никто на свете не знает, насколько он далёк: одни говорят – три дня пути, другие – три жизни, третьи – что он вообще лежит вне времени, в той точке, где мир смыкается с вечностью. Старые карты, которые можно найти в пиратских портах за большие деньги, иногда показывают его, но всегда в разных местах. Иногда его рисуют к северу от океана Снов, иногда – к югу, иногда – прямо в центре. Каждый капитан, который видел его своими глазами, описывает его по-своему. Один говорил, что он покрыт ледяными горами, которые отражают свет так, что глаза слепнут. Другой – что он весь в джунглях, где листья поют, а деревья двигаются, когда на них не смотрят. Третий – что это просто голая скала, на которой ничего нет, кроме тумана и ветра.

И как он выглядит – тоже загадка, ибо Мендакс, словно верный своему народу, тоже каждое мгновение преобразается: то он горит изумрудными скалами, пронизанными жилами чистого золота, то тонет в молочных испарениях, становясь призрачным и невесомым, то вырастает до небес, касаясь облаков своими пиками, то сжимается до крошечного атолла, где едва помещается одинокий, забытый храм. Говорят, что тот, кто однажды увидел Мендакс, никогда не сможет забыть его. Он будет сниться ему каждую ночь, звать его, манить, и этот зов будет сильнее любых уз, любых обязательств, любой любви. Тот, кто видел Мендакс, уже не принадлежит себе. Он принадлежит острову, который ждёт его возвращения.

Он дышит, он изменчив, он неуловим – и потому никто не может похвастаться, что ступал на его берег дважды в одном и том же обличье. Те, кто пытался вернуться, говорили, что остров встречал их иначе. В первый раз он был дружелюбным – тихие волны, мягкий песок, тёплый ветер. Во второй – он был враждебным: скалы, острые как зубы, вода, которая обжигала холодом, ветер, который сбивал с ног. В третий – он просто не появлялся. Как будто он

выбирал, кому открываться, а кому нет. Как будто он был живым существом, которое уставало от гостей, от их любопытства, от их жадности.

Так и блуждает молва о нём по морям, обрастая легендами, но правда остаётся там, где её никто не ищет, – в сердце самого Мендакса, которое бьётся в ритме приливов и никогда не повторяется. Легенды, однако, имеют обыкновение менять тех, кто их слушает. Многие капитаны, наслушавшись историй о Мендаксе, начинали видеть его даже там, где его не было. Они сходили с ума от миража, бросали свои корабли в открытом море, пытаясь доплыть до него вплавь. Их находили мёртвыми на обломках, с широко открытыми глазами и улыбками на лицах. Они умирали счастливыми. Они умирали, веря, что нашли его.

Но те, кто действительно находил Мендакса, никогда не возвращались, чтобы рассказать об этом. Они оставались там, становясь частью острова, его тумана, его песка, его вечного молчания. Или они становились Ментирозо – теряли свои лица, свою память, свою человечность и начинали новую жизнь, в которой каждое утро было началом и концом одновременно. Никто не знает, каково это – жить без лица. Никто не знает, каково это – просыпаться каждый день с чужими чертами, с чужими воспоминаниями, с чужими снами. Никто не знает, каково это – быть частью острова, который сам себя не помнит.

И только одна девушка знает правду. Та, которую привезли на этот остров три года назад, которую заперли в замке из мрамора и золота, которая молчит, потому что её голос – единственное оружие, которое у неё осталось. Она знает, что Мендакс умирает. Она знает, что ритуал слияния – не спасение, а проклятие. Она знает, что её капитан плывёт к ней, и она знает, что он должен успеть. И она знает, что даже если он успеет – это будет только началом конца. Но она всё равно ждёт. Потому что надежда – это единственное лицо, которое нельзя потерять, даже если ты Ментирозо.

Ветер над океаном Снов дул с востока, и на горизонте, там, где туман встречался с водой, мерцал слабый серебряный свет. Кто-то плыл туда. Кто-то шёл по следу, оставленному книгой, снами и обещаниями. Он ещё не знал, что ждёт его впереди. Он ещё не знал, что его ждёт она. Но он чувствовал это – как чувствуют приближение бури, как чувствуют смену ветра, как чувствуют, что кто-то в эту самую минуту смотрит в ту же сторону и ждёт.

И в этом ожидании было больше смысла, чем во всех картах, чем во всех легендах, чем во всех словах, которые когда-либо были сказаны о Мендаксе. Потому что ожидание – это тоже путь. И этот путь был длиннее, чем все моря, вместе взятые.

Глава 1. Белое пятно

КЕЙЛ

13 лет назад (Кейлу 11 лет)

Сидя за столом в папиной комнате, я очень любил рассматривать карту, лежащую на нём. Это был не просто лист пергамента – это было окно в бесконечный мир, полный чудес и опасностей. Рядом с нашим королевством Туррос, раскинувшимся на зелёных холмах, омываемых тёплыми водами, располагалось ещё множество земель, а также морей, океанов и много чего ещё. Каждая линия на карте была чьим-то рассказом, каждая точка – чьей-то судьбой. Я мог часами водить пальцем по извилистым берегам, читать названия городов, которые никогда не видел, и представлять, как выглядят их улицы, их люди, их небо. Моё сердце трепетало от восторга и любопытства.

В те дни я часто убежал в кабинет отца. Это было моим тайным убежищем, местом, где я мог быть самым собой – не принцем, не наследником, не братом, а просто Кейлом, мальчиком, который хотел увидеть мир. Кабинет отца был большой комнатой с высокими потолками, по которым тянулись тёмные деревянные балки. Стены были увешаны картами – не только морскими, но и звёздными, и даже картами подземных течений, которые никто, кроме самых опытных мореплавателей, не мог прочесть. Вдоль стен стояли книжные шкафы, забитые фолиантами на разных языках – некоторые из них были настолько старыми, что их страницы рассыпались при малейшем прикосновении. Я знал, что не имею права трогать их, но я не мог удержаться. Иногда я брал одну из них, открывал наугад и читал строки на языках, которых не понимал, но которые звучали во мне как музыка.

Я чувствовал себя исследователем, первооткрывателем, стоящим на пороге великих тайн. В моих мечтах я видел себя капитаном корабля, который плывёт к неизведанным землям, открывает новые острова, встречает новые народы. Я представлял, как стою на носу корабля, ветер развеивает мои волосы, а впереди – бесконечный горизонт, полный обещаний. Я не хотел быть королём. Я не хотел сидеть на троне и подписывать указы. Я хотел быть свободным. Я хотел быть там, где карты заканчиваются и начинается неизвестность.

Самое близкое королевство, Аэрония, сравнительно мало по сравнению с нашим, но, насколько мне известно по рассказам матушки, не менее развитое. Его белокаменные города, парящие в небесах на дирижаблях, и хрустальные дворцы снились мне по ночам. Я представлял, как иду по улицам, вымощенным серебряными плитами, как смотрю вниз с высоты и вижу облака под ногами. Матушка рассказывала, что в Аэронии живут мастера, которые умеют делать часы, показывающие не только время, но и настроение владельца. Она говорила, что там есть библиотеки, где книги сами читают себя вслух, и сады, где растения поют по ночам. Эти рассказы казались мне волшебством, и я хотел увидеть всё это своими глазами.

Вообще все соседние земли не чета Турросу, ведь именно с него началась история зарождения жизни на этом материке, согласно древним хроникам, что пылились в библиотеке, и эта мысль наполняла меня гордостью. Я часто представлял, как первые люди высадились на наши берега, как они строили первые дома, как они давали названия рекам и горам. Я чувствовал себя частью этой великой истории, частью чего-то большего, чем я сам. Но в то же время я

хотел выйти за её пределы. Я хотел увидеть земли, которые не были открыты, моря, которые не были пересечены, народы, которые не были встречены.

И тут, когда луч света из высокого стрельчатого окна упал на пергамент, я заметил нечто удивительное, чего просто не могло быть. Я водил пальцем по карте, повторяя знакомые маршруты, и вдруг – я замер. Прямо посреди океана Снов, там, где по всем правилам должна была быть вода, красовалось белое пятно. Не просто пустота, не просто незаполненное место. Это было белое пятно, очерченное тонкой линией, как будто кто-то специально оставил его для того, чтобы кто-то другой заполнил его когда-нибудь позже.

Я наклонился ближе, щуя глаза. Пятно было не совсем круглым – оно имело форму, напоминающую полумесяц, только более вытянутую и изогнутую. Вокруг него были нанесены странные пометки – не буквы, не цифры, а какие-то символы, которых я никогда не видел. Они были похожи на волны, но не обычные, а сломанные, как будто кто-то рисовал их дрожащей рукой. Я провёл пальцем по одному из них, и он показался мне тёплым — хотя это было невозможно, ведь пергамент был холодным.

Я нахмурился. Я знал эту карту почти наизусть. Я перерисовывал её много раз в своих тетрадах, отмечая все важные места, которые хотел посетить. Но этого пятна раньше не было. Я был уверен. Я помнил каждую линию, каждую точку. Где же оно взялось? Может быть, его кто-то нанёс позже? Но кто и зачем? Отец не стал бы портить карту, матушка тоже – она была слишком аккуратна в таких вещах. А слуги не имели права прикасаться к кабинету.

– Ты снова забрался в покои отца? – вдруг послышался голос, отвлекший меня от находки. Я вздрогнул и поднял голову.

В дверях стоял брат Леон. Он был высок для своих шестнадцати лет, плечист, с волевым подбородком и пронзительными голубыми глазами, которые сейчас смотрели на меня с привычной строгостью, за которой, однако, я всегда чувствовал любовь. Его белокурые волосы были аккуратно зачёсаны, а одежда – тёмно-синий камзол с золотым шитьём – сидела на нём безупречно, как и подобает наследнику престола. Он выглядел величественно, почти грозно, но в глубине его глаз я видел искорку веселья.

– Брат Леон, а ты здесь зачем? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно, хотя внутри уже закипало предчувствие неприятностей. Я быстро провёл рукой по карте, пытаясь скрыть то место, которое меня так заинтересовало. Не потому, что я хотел что-то утаить от него – просто я не был готов делиться этим открытием. Оно казалось мне слишком личным, слишком тайным.

Вообще я догадывался, что снова поставил весь дворец на уши своей пропажей, но я предпочту сделать вид, что ничего не знаю, так мой любящий старший братец не будет ругать меня за мою проказу. Солнечный свет, лившийся из окна, играл в его светлых волосах, но это не смягчало выражения его лица, хотя я и знал, что он не способен на настоящую жестокость. Леон был тем, кто всегда защищал меня, даже когда я этого не заслуживал. И я знал, что, несмотря на его строгий тон, он никогда не причинит мне вреда.

– Скажи-ка мне, Кейл, о чём тебя просили отец с матушкой перед своим отъездом? – спросил он, делая шаг в комнату. Его сапоги гулко стучали по мраморному полу. – Разве они не говорили тебе не проказничать и не заходить в их покои, пока их нет?

Он остановился напротив меня, скрестив руки на груди. В этом жесте была такая уверенность, такая сила, что я на мгновение почувствовал себя маленьким и ничтожным. Но я знал, что он просто играет роль. Он всегда играл роль – наследника, будущего короля, защитника. Но я видел его другим. Я видел, как он смеялся с сёстрами, когда думал, что никто не смотрит. Я видел, как он гладил пса, который прибил к нам после шторма. Я видел его настоящего – и этот человек был не страшен.

– Ну, братеееец! – протянул я, отодвигая стул и вставая. Я подошёл к нему, пытаюсь выглядеть невинно. – Ты ведь знаешь, как я люблю разглядывать карты нашего мира. Это же так удивительно! Знаешь, сколько всего интересного можно узнать из рассказов матушки, указывая пальцем на любую точку карты? Вот здесь, например, Гремящие скалы, где вода кипит, как в котле, а здесь – Забытый пролив, где, говорят, живут sireны.

Я говорил быстро, захлёбываясь словами, пытаюсь увлечь его в свой мир. Я знал, что он тоже любит истории, хотя и редко показывает это. Он слушал меня с непроницаемым лицом, но я заметил, как на мгновение его взгляд смягчился. Я продолжал:

– А вот здесь, – я указал на точку на карте, – матушка говорила, что есть остров, где ночью цветы светятся, как звёзды. И там можно найти ракушки, которые поют, если поднести их к уху. Я хочу когда-нибудь увидеть всё это. Я хочу проплыть по всем этим морям, увидеть все эти земли. Я хочу быть как матушка.

Мои глаза горели, я был переполнен желанием поделиться этими знаниями, показать, что я не просто шалун, а будущий великий путешественник. В тот момент я забыл о белом пятне. Я забыл о странных символах. Я был просто мальчиком, который мечтал.

– Да-да, – он устало вздохнул и провёл рукой по лицу, на мгновение открывая усталость, которая скрывалась за маской королевской выдержки. – Но сейчас её здесь нет, а, следовательно, сказки рассказывать некому...

Брат не сумел договорить, так как я перебил его:

– Это не сказки! Мама сама всё видела, она ведь была мореплавателем! – Голос мой стал звонче, и я почувствовал, как кровь приливает к щекам. Меня захлестнула обида и гнев. Я не люблю, когда об удивительных историях о её путешествиях по миру отзываются как о том, что другие выдумывают. Это было частью меня, частью моей семьи, и я не мог позволить никому, даже Леону, принижать это.

Я помнил, как матушка сидела у камина в долгие зимние вечера, и я забирался к ней на колени, слушая её рассказы. Она говорила о штормах, которые поднимали волны выше самых высоких башен, о китах, которые пели так громко, что их голоса слышали на другом конце океана, о городах, где улицы были вымощены кораллами, а дома – вырезаны из цельных кусков янтаря. Она говорила об этом так, будто сама там была, и я верил каждому её слову.

– Прости, прости, ты только так не кричи, – сказал он, и в его голосе послышалось примирение. Он подошёл ближе, положил тяжёлую ладонь мне на плечо, и я почувствовал его тепло. – Думаю, на сегодня ты закончил с картой. Пора бы уже успокоить дворец, который ты поставил на уши. В следующий раз ты зайдёшь сюда либо с матушкой, либо с отцом. Слуги!

Его голос стал жёстче, когда он обратился к прислуге. Я знал, что он не шутит. Леон был человеком слова, и если он что-то обещал, он делал это. Он был наследником престола, и он знал цену дисциплине.

– Да, ваше высочество?! – В проёме возник дворецкий, пожилой мужчина в ливрее с гербом Турроса, с лицом, выражавшим привычную озабоченность.

Его звали Олвард, и он служил нашей семье больше тридцати лет. Я помнил его с самого детства – он всегда появлялся в самый неподходящий момент, чтобы прервать мои приключения.

– Заприте покои и до возвращения короля и королевы их не открывать! – приказал Леон, и в голосе его вновь зазвенел металл. Он был непреклонен, и я знал, что спорить бесполезно.

– Ну, брааааат! – с огорчением прокричал я, но брат был непреклонен.

Его лицо оставалось каменным, хотя я заметил, как едва заметно дернулся уголок его губ – он едва сдерживал улыбку, видя моё отчаяние. Я попытался применить свою любимую тактику – сделать жалостливые глаза, надуть губы, скрестить руки на груди. Обычно это работало с матушкой, но Леон был не матушкой. Он был старшим братом, и он знал все мои уловки.

– Кейл, – сказал он, и его голос стал мягче, почти как у отца. – Я понимаю, что тебе скучно. Я понимаю, что ты хочешь приключений. Но ты должен понять, что есть правила. И они существуют не для того, чтобы тебя наказывать. Они существуют, чтобы защитить тебя. Если ты будешь их нарушать, ты можешь попасть в беду. И тогда я не смогу тебя защитить.

Я хотел возразить, что я не нуждаюсь в защите, что я уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться. Но я промолчал. Потому что знал — он говорит это не для того, чтобы унизить меня, а потому что он любит меня. И эта любовь была сильнее моей гордости.

– Ладно, – сказал я, опуская плечи. – Я больше не буду.

– Обещаешь?

– Обещаю, – сказал я, и в этот момент я действительно хотел сдержать слово.

Леон улыбнулся – искренне, тепло, той улыбкой, которую он редко кому показывал.

– Тогда идём. Я прикажу повару приготовить твоё любимое печенье. И ты расскажешь мне, что нашёл на карте.

– Правда? – мои глаза загорелись.

– Правда, – сказал он, и я знал, что он не шутит. – Но после того, как мы поедем, ты вернёшься в свою комнату и займёшься уроками. Договорились?

– Договорились! – крикнул я и побежал к двери, но на пороге остановился и обернулся. Из-за разговора с ним я даже позабыл, что на карте увидел одну особенность, которую раньше

почему-то не замечал... Белое пятно, красовавшееся прямо посреди океана Снов. И после сегодняшнего дня я ещё не скоро вспомню о нём.

Но оно уже поселилось в моей голове, как семя, которое рано или поздно прорастёт. Я не знал тогда, что это пятно станет началом всего. Что оно изменит мою жизнь, мою семью, мою судьбу. Что оно приведёт меня к человеку, которого я никогда не видел, но который станет моим лучшим другом. Что оно откроет путь к острову, которого нет на картах. Но это будет позже. А пока я просто шёл за братом, чувствуя себя ребёнком, у которого есть всё, что нужно.

8 лет назад

Прошло пять лет с того дня, как я впервые увидел белое пятно на карте отца. Пять лет, в течение которых я успел вырасти, измениться, узнать много нового. Мне уже было шестнадцать, и я уже не был тем наивным мальчишкой, который мечтал о приключениях. Я стал более сдержанным, более серьёзным. Но огонь, который горел во мне в детстве, не погас. Он просто стал глубже, тише.

Я много читал. Я изучал книги по навигации, по истории, по географии. Я встречался с капитанами, которые приплывали в наш порт, и задавал им сотни вопросов. Я записывал их ответы в толстую тетрадь, которую хранил под подушкой. Я хотел знать всё о море, о кораблях, о далёких землях. Я хотел быть готовым, когда придёт время.

Матушка заметила мою одержимость. Она видела, как я смотрю на карты, как я читаю старые фолианты, как я спрашиваю о белом пятне, которое так и осталось для меня загадкой. Однажды, когда я сидел в её гостиной, рассматривая ту самую карту, она подошла ко мне и села рядом.

– Ты всё ещё думаешь о нём? – спросила она, и её голос был мягким, как шёпот моря.

– О чём? – спросил я, хотя знал, о чём она говорит.

– О белом пятне. Ты не перестаёшь думать о нём. Я вижу это по твоим глазам.

Я промолчал. Я не хотел признаваться ей в этом. Мне казалось, что она будет смеяться надо мной, считать меня глупым ребёнком. Но она не засмеялась. Она просто взяла мою руку и сжала её.

– Ты очень похож на меня, – сказала она. – Я тоже была такой в твоём возрасте. Я тоже хотела узнать всё, что скрыто за горизонтом. Я тоже искала ответы на вопросы, на которые никто не мог ответить.

– И что ты нашла? – спросил я.

– Я нашла много всего, – сказала она с лёгкой грустью. – Но я не нашла ответы на все вопросы. И это хорошо. Потому что если бы я нашла их все, у меня не было бы цели. Не было бы мечты. Не было бы тебя.

Она улыбнулась, и я почувствовал, как тепло разливается в моей груди. Я любил её. Я любил её больше всего на свете. И я хотел стать таким же, как она – смелым, мудрым, свободным.

– Матушка, а какие удивительные вещи случились с тобой в этом месте? – Мой палец указал на тот самый белый участок.

Мы сидели в её личной гостиной – комнате, заставленной морскими раковинами, книгами и странными приборами. Там были барометры, секстанты, астролябии, и всё это хранило память о её путешествиях. Пятно, что заинтересовало меня тогда, ведь как такое может быть, чтобы прямо посреди океана, в самом центре карты, была пустота. Это казалось мне нелогичным, почти оскорбительным для моего пытливого ума.

Я ждал ответа, который изменит всё. Я ждал, что она скажет мне: «Это там, где я встретила твоего отца». Или: «Это там, где я нашла тайну, которая изменила мою жизнь». Но она сказала другое.

– Сынок, в этом месте я так и не смогла побывать, как и многие, кто плавал до меня, так и многие после. – Матушка отложила вязание и повернулась ко мне.

Её лицо, всё ещё красивое, несмотря на возраст, озарилось мягким, но печальным светом. Она была высокой и стройной женщиной с тёмными, как смоль, волосами, в которых уже пробивалась седина. Но глаза – синие, как море, в которое она так любила смотреть, – всё ещё горели огнём авантюризма.

– Это место очень загадочно, и никто на самом деле не может сказать, есть ли оно на самом деле или это просто сказки.

Я удивлённо посмотрел на матушку. Как? Как такое может быть? Моя матушка? Женщина-мореплаватель, которую знает весь наш материк, и я уверен, что не только он, но и весь свет, говорит такое? Да это же просто невозможно! Чувство недоумения и разочарования захлестнуло меня.

– Ну, в это я не поверю! Матушка, чтобы ты чего-то не смогла достичь, а даже если и нет, разве может быть такое, чтобы место просто пустовало? Тогда там была бы вода, как и обычно, – возразил я с жаром, отказываясь принимать реальность, которая была меньше, чем мои мечты. Я чувствовал, как внутри меня закипает протест. Я не мог принять, что есть что-то, чего не знает моя мать.

– Кейл, – она взяла меня за руку, её пальцы были прохладными. – Я не всемогуща. Есть вещи, которые даже я не в силах посетить, как бы сильно мне этого не хотелось. Но ты прав: если бы там ничего не было, пятна бы не было. Но на самом деле, если бы эту карту составляла я, весь океан стал бы огромным белым пятном.

В её голосе послышалась загадочная нотка, которая заставила моё сердце биться чаще. Она смотрела на меня, и в её глазах я видел что-то, чего раньше не замечал. Это был не просто рассказ о путешествиях. Это было признание. Это был секрет.

– Весь океан – одним белым пятном? Что она имеет в виду? Почему? – спросил я, и голос мой дрожал от волнения. — Матушка, пожалуйста, объясни.

Я хотел задать ей этот вопрос, но, увидев заинтересованность в моих глазах, она быстро своим королевским тоном сказала:

– А об этом мы с твоим отцом расскажем тебе завтра. Посмотри за окно – уже поздно, тебе пора в кровать, иначе завтра опять опоздаешь на занятия по фехтованию!

Я знал этот тон. Это был её «королевский» тон, тот, который она использовала, когда хотела закончить разговор. Но даже послушавшись её, я не был уверен, что смогу заснуть. Уж очень сильно засели её слова в моей голове, и я начал сомневаться, а не заболела ли она? Тревога и любопытство боролись во мне, не давая покоя.

Я вышел из её комнаты, но на пороге остановился и обернулся. Она сидела у окна, глядя на море, и в её позе было что-то, что заставило моё сердце сжаться. Она казалась не просто уставшей. Она казалась испуганной. И это было странно, потому что моя матушка никогда не боялась. Она была той, кто смеялся в лицо штормам, кто плыл в самые опасные воды, кто не боялась смерти. Но сейчас она боялась.

– Спокойной ночи, матушка, – сказал я.

– Спокойной ночи, мой маленький капитан, – ответила она, и в её голосе было столько любви, что у меня защипало в глазах.

Я пошёл в свою комнату, но не мог уснуть. Я лежал в кровати, глядя в потолок, и думал о белом пятне, о словах матушки, о её испуганном взгляде. И я знал – завтра что-то изменится. Завтра я узнаю правду. И эта правда будет страшнее и прекраснее, чем я могу себе представить.

Глава 2. Неразгаданная загадка

КЕЙЛ

Дворец находился недалеко от моря. Раньше он стоял в центре города, окружённый шумными площадями и торговыми рядами, где крики торговцев смешивались с ржанием лошадей и звоном монет. Однако ради королевы, которая очень сильно любила море, король перенёс его к воде. Это стало одним из свадебных подарков, преподнесённых ей, как мореплательнице, которая без воды как без рук. Перестройка дворца заняла три года – на это ушли целые состояния, но король не жалел денег. Он хотел, чтобы его жена просыпалась с видом на бескрайнюю синеву, чтобы она чувствовала запах соли каждое утро, чтобы её сердце билось в ритме волн.

Новая резиденция стояла на высоком утёсе, и из окон всех покоев открывался вид на бескрайнюю синеву. Волны с рокотом разбивались о скалы внизу, создавая вечный шум, который стал колыбельной для всей королевской семьи. Ветер дул с моря, и его дыхание проникало в каждую комнату, смешиваясь с запахом лаванды и старого дерева. Я любил этот звук – он всегда наполнял меня спокойствием и одновременно зовом к приключениям. Каждое утро я просыпался под этот шум, и каждый вечер он убаюкивал меня. Он был частью меня, как и само море.

Я проснулся от крика чаек. Их пронзительные голоса врывались в открытое окно, смешиваясь с запахом соли и водорослей. Я лежал в постели, глядя в потолок, и чувствовал, как утренний свет касается моего лица. Всю ночь меня мучали странные сны. Я видел девушку. Она стояла на краю утёса, такого же, как тот, на котором стоял наш дворец, но более дикого и каменистого. Волны внизу были тёмными, почти чёрными, они с яростью бились о скалы, вздымая фонтаны белой пены. Она кричала, я не понимал, чего она хотела от меня, ведь она говорила не на нашем языке.

Её голос был хриплым и надрывным, он отражался от скал и возвращался эхом, полным боли и отчаяния. На её глазах виднелись блестящие, словно жемчужины, слёзы. Они падали вниз и, не долетая до воды, превращались в крошечные капли света, растворяясь в воздухе, как утренний туман. Увидев их, я почувствовал такую глубокую грусть и сожаление, что у меня сжалось сердце. Мои ноги уже повели меня к ней, но, так и не достигнув цели, мой сон прервался.

Я сел на кровати, чувствуя, как сердце всё ещё бьётся быстрее обычного. Я провёл рукой по лицу, пытаясь стряхнуть остатки сна. Я никогда прежде не слышал этого языка. А ведь как принц я выучил все доступные языки на нашем материке, чтобы свободно общаться с гостями, посещающими наше королевство. Я знал аэронский, с его певучими гласными, знал грубоватый диалект северных островов, знал даже древний язык жрецов, на котором писались старые хроники. Но этот язык был совсем другим – он не походил ни на один из известных мне. В нём были звуки, которые я не мог воспроизвести, интонации, которые не подчинялись никаким правилам.

Видимо, я слишком много думаю, это же всего лишь сон, а сон – это воображение. Возможно, это просто моя фантазия разыгралась из-за множества вопросов, кружащихся у меня в голове перед тем, как я заснул. Но внутри меня засела тревога. Сны никогда не были для меня просто снами – они всегда что-то значили. Моя матушка часто говорила, что море говорит с

нами через сны, что оно выбирает тех, кто способен слышать. И если я слышал этот голос, возможно, он был не случайным.

От дум меня отвлек стук в дверь. Наверно, пришёл слуга разбудить меня. Чувствуя лёгкую досаду от того, что меня оторвали от размышлений, я крикнул:

– Войдите, – сказал я, вставая с кровати и накидывая халат.

Я не обратил внимания, кто зашёл в мои покои. Моё внимание привлекло зрелище за окном. Внизу, в лазурной гавани, стоял на якоре красивый корабль с необычным флагом. Таких я ещё не видел. Он был чёрный, с черепом по центру, а под черепом – две скрещённые кости, но не человеческие, а какие-то длинные и изогнутые, похожие на рыбий скелет. Солнечные лучи отражались от чёрного шёлка флага, делая рисунок зловеще-ярким. Сердце моё забилося быстрее от возбуждения и предвкушения. Это был не торговый корабль, не военный. Это был корабль, который принадлежал тем, кто не подчинялся законам королей.

– Что ты там увидел? – услышал я грубый мужской голос, но такой родной, и обернулся.

Я увидел крупного, статного мужчину в тёмно-бордовом камзоле. Его лицо, обветренное и загорелое, было обрамлено густой каштановой бородой, в которой уже серебрилась седина. А за ним стояла, конечно же, его королева. Это были мои родители – король Генрих и королева Маре.

– Отец! Матушка! – Я кинулся к ним в объятия со счастливой улыбкой, зная, что они обязательно подарят мне своё тепло. Я чувствовал запах отца – смесь кожи, табака и моря, – и запах матери – лаванды и старых книг. В этот момент я чувствовал себя в полной безопасности. – Я не ожидал, что вы придёте ко мне с самого утра!

– Мы пришли из-за вчерашнего, – сказала матушка, и её голос был серьёзным. Она подошла к окну и встала рядом со мной, глядя на корабль. – В твоих глазах я увидела заинтересованность в белом пятне, а ещё своими словами разогрела в них ещё больший огонь. Поэтому я решила больше не мучить тебя и привела к тебе твоего отца с самого утра.

Она говорила спокойно, но я чувствовал в её голосе напряжение. Она боялась того, что я узнаю. Она боялась, что правда будет слишком тяжёлой для меня. Но она знала – я всё равно узнаю её рано или поздно. Лучше сейчас, когда она может быть рядом и поддержать меня.

– Матушка, ты знаешь меня лучше всех! Но сначала я хочу узнать... – Я подбежал к окну и указал на корабль. – Что это за флаг? Какому королевству он принадлежит?

Матушка посмотрела в окно и засмеялась – звонко и мелодично. Я удивился такому её поведению и растерялся. Она никогда раньше себя так не вела, когда я спрашивал её о государственных делах. Наоборот, она становилась более серьёзной, как настоящая королева, которая должна заботиться не только о семье, но и о своём народе. Но сейчас она смеялась, и в её смехе не было насмешки – только радость, будто я сказал что-то очень забавное.

– Маре, ты ввела нашего сына в ступор, — сказал король, и его голос прогремел в тишине. – Смотри, даже рот закрыть не может. – Он подошёл и хлопнул меня по плечу своей огромной ладонью. – Можно сказать, что это короли моря.

– Короли моря? – переспросил я, всё ещё глядя на чёрный флаг. – Разве море кому-то принадлежит? – Никогда не слышал, чтобы у моря были хозяева. Если и есть, то это скорее рыбы и другие его обитатели. Это казалось мне абсурдным и захватывающим одновременно. Я смотрел на корабль, и в моём воображении уже рисовались приключения: бескрайние просторы, свобода, ветер в лицо.

– Их так называют, но на самом деле они таковыми не являются, – пояснила матушка. – Все, кто выходит в море, знают, что никто не разбирается в морях и океанах лучше, чем пираты. Они чаще всего живут, путешествуя по водам, а на сушу выходят только для пополнения запасов. Они не короли в буквальном смысле — у них нет тронов, нет подданных, нет законов, кроме своих собственных. Но они знают море лучше всех, и моряки уважают их за это. Они живут на своих кораблях, как на плавучих домах, и весь мир – их дом.

– Удивительно, – сказал я, чувствуя, как внутри меня загорается новое желание. — Я думал, что лучше всех в этом смыслит матушка, а она говорит о каких-то пиратах, которые являются королями только номинально из-за их знаний. Теперь я тоже захотел быть пиратом, постоянно жить, путешествуя по просторам, чувствуя, как тебя обдувает лёгкий ветерок. Моё сердце наполнилось мечтой о свободе.

Отец нахмурился, услышав мои слова.

– Кейл, ты не будешь пиратом. Ты – принц Турроса. У тебя есть обязанности. Ты должен унаследовать трон, если что-то случится со мной или Леоном. Ты не можешь просто бросить всё и уплыть в неизвестность.

– Но отец... – начал я, но он поднял руку, останавливая меня.

– Я знаю, что тебе хочется приключений. Я сам был таким в твоём возрасте. Но приключения – это не всегда весело. Это часто опасно, и ты можешь потерять всё, включая себя. Я не хочу, чтобы ты повторил мои ошибки.

Я хотел возразить, но промолчал. Я знал, что он говорит не для того, чтобы лишить меня мечты, а чтобы защитить меня. Но я также знал, что внутри меня живёт огонь, который не погасить никакими словами.

– Думаю, теперь пора перейти к главному, причине, по которой мы здесь собрались, – напомнил нам отец, хмурия брови. – Пора рассказать тебе историю о белом пятне, что ты видел на карте. – Он полез в рукав своего камзола и достал что-то.

Это оказалась книга. Но я прочёл все книги в королевской библиотеке, не может быть, чтобы была книга, которую я не знал. Так зачем же отец её принёс? Но, немного приглядевшись, я увидел, что обложка была не обычной: она не очень сильно, но сверкала, переливаясь перламутром и серебром. Таких книг я ещё не видел.

Обложка была сделана из материала, который напоминал чешую какой-то огромной рыбы, но при этом была мягкой и тёплой на ощупь, как кожа. Она не была просто украшена – она была живой. Когда свет падал на неё, она переливалась всеми цветами радуги, и я видел в её глубине движение – будто внутри книги кто-то плавал. Я протянул руку, чтобы коснуться её, но отец отодвинул книгу.

– Осторожно, – сказал он. – Это не просто книга. Это ключ.

– Ключ? – переспросил я.

– Эта книга, в которой написана легенда об острове, что меняет свой лик и местонахождение раз за разом. Поэтому Маре и сказала, что составляй она карту, всё Море Снов стало бы одним большим белым пятном. За грядями штормов, там, где карты белеют от неизвестности, лежит Мендакс – остров, который дышит иначе, чем время. Его берега переливаются каждое утро, а обитатели – Ментирозы – не помнят собственных лиц, отражая чужие страхи и сны. Говорят, правда о них скрыта под семью масками, и всякая маска — ложь, которая стала правдой настолько давно, что сама в это поверила.

Отец говорил медленно, будто читал древнюю молитву. Его голос был низким и торжественным, и я чувствовал, как каждое слово оседает в моей душе, как семя, которое скоро прорастёт.

– Никто не знает, сколько плыть до Мендакса: три дня, три жизни или ни мгновения, потому что остров приходит только к тем, кто перестал искать. И если вы его увидели – не верьте глазам. Верьте прибою: он помнит всё, но никогда не повторяется.

Он замолчал. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь шумом волн за окном. Я смотрел на книгу, и я чувствовал, как она зовёт меня. Она была тёплой, даже на расстоянии. Она была живой.

– Мы решили оставить тебе эту книгу, чтобы ты сам разобрался в этом, – сказала матушка, передавая мне фолиант. От него пахло морем и древностью. Когда я взял её в руки, я почувствовал, как она пульсирует, как сердце. Она была не просто книгой — она была существом. — Но ты должен помнить: никто не знает, так ли всё на самом деле, как описывают книги. В её голосе я услышал предостережение, но оно лишь подогрело моё любопытство.

– Но ведь эту кто-то написал, значит, он точно должен знать, правда в ней или ложь? – спросил я, чувствуя, как внутри меня закипает нетерпение.

– Это как раз самое интересное, – с хмурым видом ответил мой отец, и на его лице появилась тень тревоги. – Мы не знаем, откуда взялась эта книга. Она появилась будто из воздуха. Однажды утром она лежала на столе в моём кабинете, хотя я точно знаю, что накануне её там не было. Двери были закрыты, окна закрыты, стража ничего не видела. Она просто появилась. И никто не знает, кто её написал. Она настолько старая, что её страницы могут рассыпаться при малейшем прикосновении, но чернила на них свежие, как будто их написали вчера.

– Нельзя утверждать, что это не чей-то злой умысел, – добавила матушка. – Мы не знаем, кому можно верить. Мы не знаем, кто хочет, чтобы ты прочитал эту книгу. Мы не знаем, что произойдёт, если ты последуешь её советам.

Я сразу понял, что он не шутит, да и зачем ему это. Но это ещё больше заставило моё сердце трепетать. Загадочная книга, взявшаяся из ниоткуда. Чую, что это принесёт в мою жизнь много интересных приключений. Я смотрел на обложку, и мне казалось, что она улыбается мне. Что она знает что-то, чего не знаю я.

– Я с удовольствием возьму эту книгу и буду искать разгадку этого таинственного острова и Ментирозо, – сказал я, осторожно принимая подарок. – Возможно, я не получил ответы на свои вопросы, что таились в моём сердце, но разве не увлекательней искать разгадку самостоятельно, своими силами?

Взяв в руки книгу, я почувствовал, что это только начало, начало чего-то неизведанного, что зовёт меня к лучшему будущему. Под моими пальцами обложка казалась тёплой и живой, и я поклялся себе, что однажды разгадаю эту тайну. Я не знал, что эта книга изменит мою жизнь, что она приведёт меня к другу, которого я никогда не видел, и к женщине, которая будет ждать меня на краю мира. Я не знал, что эта книга станет моим проклятием и моим спасением. Но в тот момент я чувствовал только радость и предвкушение.

– Спасибо вам, – сказал я, обнимая родителей. – Я обещаю, что буду осторожен. Я обещаю, что не буду делать глупостей. Я просто хочу знать правду. Это всё, что я хочу.

Матушка поцеловала меня в лоб.

– Я знаю, сынок. Я знаю. Просто помни: правда не всегда приносит счастье. Иногда она приносит только боль. И когда ты узнаешь её, ты уже не сможешь забыть. Ты готов к этому?

Я посмотрел на неё, и я чувствовал, что она говорит не просто о книге. Она говорит о чём-то большем. Она говорит о жизни.

– Я готов, – сказал я, и мои слова прозвучали как клятва.

Они ушли. Я остался один с книгой в руках. Я сел на кровать и открыл её на первой странице. Текст был написан на древнем языке, который я не знал, но как только я начал читать, слова сами собой переводились в моей голове. Будто книга говорила со мной напрямую, минуя мой разум. Я читал о Мендаксе, о Ментирозо, о Святой, которая может исцелять, но крадёт лица. Я читал о ритуале слияния, о проклятии, которое висит над островом. Я читал, и я чувствовал, как мир вокруг меня расширяется, как он становится больше, глубже, страшнее.

Я не знал, сколько времени я сидел так, погружённый в чтение. Солнце уже клонилось к закату, когда я закрыл книгу. Я чувствовал себя уставшим, но счастливым. Я знал теперь, что моя жизнь никогда не будет прежней. Я знал, что я должен найти этот остров. Я должен найти Святую. Я должен спасти тех, кто нуждается в спасении. И я знал, что мой путь только начинается.